

Евгений Абдуллаев

О фестивалях и библиотеках

Литературные фестивали — свежее веянье «нулевых» — успели стать рутинной. И даже поблекнуть слегка.

Нет, все еще проходят Биеннале поэтов в Москве, «Петербургские мосты», «Киевские лавры», Волошинский фестиваль в Коктебеле, чебоксарские «ГолосА»... Но большинство других крупных фестивалей успело закрыться. Калининградское «СLOWWWO», екатеринбургский «Литературрентген», минский «Порядок слов», Ташкентский открытый фестиваль... Новые фестивали, возникшие в 2010-е, существуют, как правило, года два-три. Пока есть финансирование. После чего, не успев толком разгореться, гаснут.

Фестивали затронул общий процесс «затягивания поясов». Было бы даже удивительно, если бы на фоне закрытия премий и журналов, сокращения тиражей и числа книжных магазинов — цвели и пахли фестивали.

«И все-таки орешник зеленеет». Вот уже третий год в Нижнем Новгороде проходит Горьковский фестиваль. Полное название: «Международный литературный фестиваль имени Максима Горького». Проводится благотворительной организацией «Дороги добра» при поддержке Правительства Нижегородской области. По сути — проект писателя и общественного деятеля Дмитрия Бирмана. Не просто писателя и не просто общественного деятеля — а человека, к состоянию современной литературы равнодушного.

В этом году фестиваль проходил с 25 по 30 марта и собрал на берега Волги писателей и поэтов из Армении, Белоруссии, Италии, США, Узбекистана, Франции. И самой России, разумеется. Виктора Ерофеева, Рене Герра, Илью Фаликова, Марину Москвину, Вадима Месяца, Максима Гуреева, Валерия Бочкова...

Впрочем, все это есть на фестивальном сайте gorkyifest.ru.

Меня, как обычно в этой рубрике, интересует не внутрিলитературная составляющая, а те выходящие за пределы литературы тенденции, которые этот фестиваль отразил.

Фестивали «нулевых» были, в основном, фестивалями для самих литераторов. Как, например, на одном из Русско-грузинских фестивалей, когда участники просто жили дней десять у Черного моря, наслаждаясь общением и читая стихи друг другу. Это тоже было важно, учитывая исчезновение в предыдущее десятилетие общего литературного поля и усыхание коммуникации между авторами, особенно из бывших республик.

Нет, бывали, конечно, в фестивальной программе и встречи с читателями, которыми зачастую оказывались или местные самодельные поэты (жаждавшие тоже пробиться к микрофону), или нагнанные для заполнения рядов свежемороженые студенты... Или просто случайная публика кафе, увлеченно поедавшая шницель, пока

некто на импровизированной сцене пытался перекричать общий гул и грохот кофемашины.

И это было тоже неплохо. Лучше хоть какая-то аудитория, чем никакая.

Десятые фестивальная волна, как уже было сказано, пошла на убыль. Но вместе с тем наметился и новый формат — с активным участием местных библиотек. Не только центральных, предоставлявших площадку, что случалось и раньше. Но и районных, сельских.

Впервые с этим форматом я столкнулся три года назад, в ноябре 2016-го, на новосибирском фестивале «Белое пятно», который проводит Областная научная библиотека. Из трех дней фестиваля один был выделен под встречи с читателями в библиотеках небольших городов и сел Новосибирской области. Мне выпало съездить в деревню Машково; впечатлениями и размышлениями после этой поездки я тогда же поделился в «Барометре» (2017, № 2).

В Нижнем Новгороде у каждого из участников было как минимум по три встречи в библиотеках. В одной из городских библиотек Нижнего, остальные — с выездом в область. Называлось это «литературным десантом». В моем случае это была Нижегородская областная библиотека, библиотеки города Бор (город-спутник Нижнего) и села Вад. Намечено было еще «десантироваться» в Володарск, но сошлось по времени с другим фестивальным действием, в котором должен был участвовать.

Впечатления в целом совпали с прошлыми, новосибирскими. Совпали и уточнили. Прежде всего, значительный и неподдельный интерес к современной литературе в, условно говоря, глубинке. Полные залы, внимательное вслушивание, живые вопросы. В селе Вад желавших встретиться с литераторами было столько, что их не вместила главная библиотека, пришлось подключать еще детскую.

В крупных городах, особенно миллионниках, читатель избалованный. И писатели у него под боком ходят, и книжные магазины, опять же, какие-никакие. Не говоря о массе прочих развлечений и средств культурно провести досуг. Да и в целом: больше суеты вокруг, не слишком способствующей вдумчивому чтению. Да, чем крупнее город — тем плотнее литературная среда; но читатель внимательный, неторопливый чаще встречается все же за пределами городских муравейников. Там где, почти по Рильке, после чтения «люди собираются в кружок, / и тихо рассуждают, каждый слог / дороже золота цена при этом».

Я, разумеется, несколько преувеличиваю; читательской идиллии — как и любой другой идиллии — нет нигде. Кроме того, читательское сознание в небольших населенных пунктах более консервативно. Оно, насколько можно судить по вопросам «из зала», застыло где-то в конце прошлого века. Все, что после — не в резкости, за вычетом нескольких имен, регулярно всплывающих в телящике. Но интерес к современной серьезной литературе значительный. «Что порекомендуете? Что почитать? Какие назовете имена?»

И второе впечатление — в российском литпроцессе все более заметную роль начинают играть библиотеки. Библиотеки стали финансироваться чуть лучше, и это уже дало заметный результат. Библиотеки помолодели. Читаем в одном из блогов: «...Устаревший образ сухой строгой старушки в очках и с пучком на голове не имеет ничего общего с теми, кто действительно работает в библиотеках. Средний возраст библиотекарей — от 20 до 40 лет»¹. Самый креативный, кстати сказать.

Меняется не только возрастной, но и гендерный состав библиотекарей — все чаще встречаются библиотекари-мужчины, и тоже не пенсионного возраста. Уточняю свое наблюдение в разговоре за чашкой чая в одной из нижегородских библиотек: верно ли? «Да, молодые парни идут. Особенно в селах. С библиотечной зарплатой на селе прожить можно...»

¹ Как я работала в библиотеке (<http://cosmoblog.ru/kak-ya-rabotala-v-biblioteke-chast-1.html>)

Появление в любой «женской» профессии мужчин — признак роста ее востребованности. В отношении библиотек, правда, стоит говорить не о появлении, а о «возвращении». До революции, да и в первые десятилетия советской власти, большая часть библиотекарей была «мужской». Да и многие литераторы тогда не считали для себя зазорным библиотечный труд. Крылов, Одоевский, Стасов, Бунин... Даже Блок одно время собирался устроиться библиотекарем в Академию наук.

Сегодня наблюдаем что-то близкое. Могу назвать имена как минимум трех литераторов из младшего поколения, работавших или работающих в библиотеках. Антон Метельков, Ростислав Амелин, Дарья Серенко. Имен наверняка больше.

В отличие от филфаков и книжных — других важных звеньев в распространении современной литературы — библиотеки имеют более широкий территориальный охват. Их сеть присутствует там, где никогда не откроются ни вузовские филиалы, ни книоторговые точки. И сеть эта, насколько могу судить, пусть даже по очень поверхностным впечатлениям, работает неплохо.

И еще. Библиотечная система, в отличие от книоторговой, лишена коммерческой составляющей. Что для читателей серьезной литературы — а публика эта, как правило, не слишком богатая — тоже немаловажно.

Возвращаясь к фестивальной теме, подытожу. Формат литературного фестиваля с активным подключением местных библиотек кажется сейчас наиболее удачным. Проблема коммуникации между литераторами сегодня уже не стоит так остро, как она стояла пятнадцать-двадцать лет назад, в пору зарождения первых известных фестивалей. Теперь эту функцию вполне (и даже с избытком) выполняют социальные сети. Сложнее обстоит с коммуникацией *считателем*. Которого, как показывают соцопросы и цифры тиражей, у нас все меньше. Некоторые литераторы, впрочем, пытаются решать и эту проблему через социальные сети, усердно «френдя» и «комментируя» своих потенциальных читателей... Но на этом поле серьезный литератор заранее проигрывает более активным и резвым блогерам. Писательство все-таки дело одинокое, требующее изрядного количества тишины, неторопливости и несуетливости мысли. Далекое не всякому дано быть и «писалой», и «зазывалой»; если вообще эти два таланта в серьезной литературе могут быть совместимы. Нужен посредник — посредник между автором и читателем. Редактор, издатель, критик, школьный или вузовский преподаватель словесности, книоторговец... И, разумеется, библиотекарь.

Такие вот впечатления после фестиваля. Есть, разумеется, и другие. Волга с проплывающими по ней льдинами. Слегка одутловатая, купеческая роскошь нижегородской архитектуры. Уникальное озеро в Ваде, с карстовыми пещерами на дне, в которые еще никому не удалось проникнуть... Но все это — уже для другого, не «барометровского», материала.

Пока же... «Итоги Третьего международного подведены, — сообщается на фестивальном сайте. — Начинается подготовка к фестивалю Четвертому». Дай Бог.